

Fraud: issues of defining the sign of "gratuitousness" and distinguishing from arbitrariness

L. O. Pavlova¹, M. A. Kazakov²

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

²The Main Directorate of the Russian Ministry of Emergency Situations in the Yaroslavl region, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2949-3439-2025-3-308-317

Research article
Full text in Russian

The article discusses the interpretation of the term "gratuitous", which characterizes theft. There is a nonuniform approach in the theory of criminal law to the understanding of this term, which entails a proposal to exclude it from the criminal law. Special attention is drawn to the fact that the amount of theft in case of unequal compensation must be determined based on the difference between the value of the stolen property and the cost of compensation. The authors analyze the practice of the courts of appeal and cassation instances and come to the conclusion that judges make mistakes when distinguishing fraud from arbitrariness.

Keywords: embezzlement; gratuitousness; compensation; arbitrariness; fraud

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pavlova, Lyudmila O. | E-mail: ljudmila-pavlova11@rambler.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence)

Kazakov, Mark A. | E-mail: kazakovma@76.mchs.gov.ru

For citation: Pavlova L. O., Kazakov M. A. Fraud: issues of defining the sign of "gratuitousness" and distinguishing from arbitrariness // Demidov Law Journal. 2025. Vol. 15, No. 3. P. 308-317. (in Russ.)

Мошенничество: вопросы определения признака «безвозмездность» и отграничения от самоуправства

Л. О. Павлова¹, М. А. Казаков²

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

²Главное управление МЧС России по Ярославской области, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2949-3439-2025-3-308-317

УДК 343.721

Институциональная хроника

Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются вопросы толкования признака «безвозмездность», характеризующего хищения. Отмечается неединообразный подход в теории уголовного права к пониманию данного термина, который влечет предложение о его исключении из уголовного закона. Отдельное внимание обращается на то, что размер хищения при неэквивалентном возмещении необходимо определять исходя из разницы между стоимостью похищенного имущества и стоимостью возмещения. Авторы анализируют практику судов апелляционной и кассационной инстанций и приходят к выводу о том, что судьи допускают ошибки при отграничении мошенничества от самоуправства.

Ключевые слова: хищение; безвозмездность; возмещение; самоуправство; мошенничество

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павлова, Людмила Олеговна

E-mail: ljudmila-pavlova11@rambler.ru

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, декан юридического факультета

Казаков, Марк Анатольевич

E-mail: kazakovma@76.mchs.gov.ru

Юрисконсульт, лейтенант внутренней службы

Для цитирования: Павлова Л. О., Казаков М. А. Мошенничество: вопросы определения признака «безвозмездность» и отграничения от самоуправства // Демидовский юридический журнал. 2025. Том 15, № 3. С. 308-317.

Уголовный закон, закрепляя в примечании к ст. 158 УК РФ определение понятия «хищение», указывает, что одним из его признаков является безвозмездность. При этом законодательное определение данного термина, так же как и его разъяснение Пленумом Верховного Суда РФ, отсутствует. Буквальное толкование термина с позиции лингвистического значения позволяет говорить об отсутствии встречного предоставления при изъятии имущества, то есть даже минимальное возмещение уже не свидетельствует о безвозмездности.

Завладение вещью при хищении ведет к уменьшению имущественной сферы потерпевшего. По мнению И. Я. Фойницкого, в случае, когда виновный взамен изъ-

ятой вещи предоставляет эквивалент, хищение отсутствует; имеется лишь основание для предъявления гражданского иска [1, с. 178]. При несоответствии эквивалента стоимости изъятого имущества действия виновного следует рассматривать как хищение. И. А. Клепицкий также утверждает, что при предоставлении полного денежного эквивалента взамен изъятого имущества имеет место возмездное завладение, что не является хищением [2, с. 300]. По мнению А. А. Пионтковского, хищение возможно и в том случае, когда виновный оставляет соответствующий имущественный эквивалент взамен изъятого [3, с. 302]. Он объясняет это тем, что одним из элементов права собственности является возможность пользоваться и распоряжаться своим имуществом в соответствии с законом.

По нашему мнению, в случае, когда лицо оставляет денежный эквивалент взамен похищенного имущества, имущественная сфера потерпевшего не уменьшается, а значит, хищение отсутствует.

В настоящее время судебная практика толкует признак безвозмездности расширительно, относя к нему:

- 1) отсутствие встречного предоставления;
- 2) незначительное, символическое возмещение;
- 3) частичное возмещение, но не в равном эквиваленте.

Таким образом, безвозмездность отсутствует в случае, если собственнику было предоставлено равноценное возмещение.

Указанный подход разделяет А. Г. Безверхов, отмечая, что такое расширительное толкование необходимо, иначе без него хищение чужого имущества с частичным возмещением будет легализовано [4, с. 20]. Противоположной позиции придерживается С. Н. Смирнова, полагая, что данному термину необходимо придавать гражданско-правовой смысл, а значит, при любом встречном предоставлении хищение будет отсутствовать [5, с. 100].

Верной представляется первая позиция: в противном случае виновный мог бы избегать уголовной ответственности при любом хищении, оставляя незначительное «встречное предоставление». Кроме того, одним из начал гражданско-правовых отношений является свобода договора, согласно которой никто не вправе принуждать лицо к заключению договора, что фактически происходит при хищении: либо имущество изымается безвозмездно, либо взамен предоставляется другое, менее ценное. Отсюда, восприятие признаков преступления через призму гражданско-правовых отношений способно исказить суть уголовного закона, что повлечет вынесение незаконного приговора.

Указанную позицию в 2009 г. высказал Конституционный Суд РФ, отказав в принятии к рассмотрению жалобы М. Б. Ходорковского, в которой указывалось, что толкование практикой термина «безвозмездность» как обмена одного имущества на другое, но менее ценное, противоречит законодательству¹. Приме-

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 1037-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ходорковского Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 160 и примечанием 1 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

чительно, что судья А. Л. Кононов выразил особое мнение по данному вопросу, указав, что при квалификации хищений необходимо учитывать положения гражданского права, то есть вести речь лишь об изъятии имущества без возмещения².

Анализ составов хищений, в частности мошенничеств, невозможен без обращения к гражданско-правовым нормам. Вместе с тем, считаем, что буквальное толкование термина «безвозмездность» декриминализует в том числе символические предоставления при наличии у лица умысла на обман потерпевшего, что недопустимо.

На наш взгляд, грань между уголовно-правовыми и гражданско-правовыми отношениями должна лежать в следующей плоскости. Если стороны гражданско-правовых сделок добровольно вступают в отношения и терпят убытки не в результате намеренных действий одной из сторон, когда другая имеет материальную выгоду, то это исключает вторжение в регулирование данных отношений уголовно-правовых норм о хищениях. Но если одна из сторон не имеет возможности и (или) желания исполнить обязательство и, заведомо зная об этом, принимает на себя обязательство, получая имущество или право на имущество от контрагента, то состав хищения (мошенничества) имеется.

Закономерен вопрос: как определить стоимость похищенного имущества, а следовательно – размер реального ущерба владельцу. В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества», а затем в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указывалось, что если лицо оставило взамен менее ценное имущество, то размер хищения определяется стоимостью изъятого имущества. Указанный подход сохраняется и в настоящее время в абз. 2 п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – ПП ВС РФ № 48), хищение имущества с одновременной заменой его менее ценным квалифицируется как хищение в размере стоимости изъятого имущества.

Анализ практики показал, что суды, как правило, соблюдают указанное положение. Например, согласно материалам дела, М., являясь директором ООО, заключил муниципальный контракт на строительство физкультурно-оздоровительного комплекса открытого типа. В нарушение проектно-сметной документации М. принял решение использовать песок и щебень худшего качества, чем предусмотрено условиями контракта. Суд апелляционной инстанции сослался на абз. 2 п. 30 ПП ВС РФ № 48, указав, что в приговоре верно определен размер хищения исходя из стоимости контракта – 10 676 359 руб., и оставил решение в этой части без изменения³.

² Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А. Л. Кононова // СПС «Консультант Плюс».

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Орловского областного суда от 28 марта 2024 г. по делу № 22-356/2024 // СПС «Гарант».

По другому уголовному делу Первый кассационный суд также отказал в уменьшении размера ущерба при мошенничестве. Виновный З., заключив контракт с администрацией на строительство футбольного поля, в нарушение технического задания заменил щебень на менее качественный. В кассационной жалобе осужденный указал на то, что причиненный ущерб существенно ниже стоимости похищенного имущества, вмененного ему, после ремонта восстановление футбольного поля путем замены щебня более высокой марки не потребовалось, указанный объект продолжает использоваться по целевому назначению. Суд оставил в силе решения нижестоящих судов – и в части осуждения по ч. 4 ст. 159 УК РФ, и в части определения размера ущерба⁴.

В некоторых решениях ссылка на ПП ВС РФ № 48 отсутствует, но логика правоприменителей является аналогичной подходу Пленума Верховного Суда РФ.

Так, встречаются решения, в которых суд игнорирует размер возмещения и определяет стоимость похищенного исходя из стоимости изъятого имущества. Так, согласно материалам дела, потерпевший Л. нашел на сайте «Авито» объявление о продаже автомобильных фар за 8 000 руб. Он договорился с продавцом Р. об авансе, оставшуюся часть оплатил после получения транспортной накладной СДЭК. Однако, когда Л. пришел забирать товар в пункте выдачи заказов, он обнаружил в посылке электронную сигарету, а Р. перестал выходить на связь⁵. Суд не стал рассматривать вопрос о стоимости электронной сигареты и указал, что причиненный потерпевшему ущерб составил 8 000 руб., хотя с точки зрения принципа справедливости по каждому делу необходимо точно устанавливать размер похищенного имущества. Кроме того, в тексте приговора не исследуется вопрос, кто оплачивал доставку, стоимость которой может составлять свыше 1 000 руб., что способно оказать влияние на квалификацию деяния.

Согласно материалам иного уголовного дела, М. и К. при исполнении государственного контракта на поставку в учреждения ФСИН России обуви для осужденных и сотрудников личного состава уголовно-исполнительной системы с целью удешевления продукции использовали некачественный материал (вместо кожи – коженый спил). В результате в учреждения ФСИН поступила обувь ненадлежащего качества, не соответствующая требованиям технического задания. Второй кассационный суд указал, что суд первой инстанции верно квалифицировал действия виновных по ч. 4 ст. 159 УК РФ и вменил всю сумму ущерба (263 278 421 руб.) без вычета стоимости поставленной некачественной обуви⁶. Однако суд отказал осужденному в пересчете размера ущерба по большей части в связи с тем, что данный вопрос привел бы к переоценке доказательств, что недопустимо при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке.

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05 декабря 2023 г. по делу № 7У-11985/2023 // СПС «Гарант».

⁵ Приговор Вологодского городского суда от 8 июля 2024 г. по делу № 1-320/2024 // СудАкт: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FTHp0aUpTzoz> (дата обращения: 27.03.2025).

⁶ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 ноября 2020 г. по делу № 7У-10555/2020 // СПС «Гарант».

По другому уголовному делу суд при исчислении размера ущерба аргументированно не стал учитывать факт передачи виновным денежных средств потерпевшему. Так, виновный Г. вводил потерпевших в заблуждение, заключая с ними договоры аренды или займа, которые в действительности являлись договорами купли-продажи квартир. После подписания договоров Г. уплачивал первоначальный взнос (арендную плату) или передавал сумму займа. Суд указал, что передача денежных средств потерпевшим была частью преступного плана, и эти суммы являлись расходами подсудимого на совершение преступлений⁷. В среднем размер переданных Г. денежных средств составлял 100 000 руб., что при размере ущерба по каждому эпизоду свыше 1,5 млн руб. не повлияло бы на квалификацию деяния. Примечательно, что уже при предъявлении потерпевшими исков в рамках гражданского процесса суд вычитал из суммы иска (стоимость проданных квартир) сумму переданных денег – «расходов на совершение преступлений», а также средства, перечисленные в счет возмещения ущерба после совершения преступления⁸.

На наш взгляд, позиция Верховного Суда РФ и аналогичные ей решения судов не отвечают принципу справедливости, поскольку размер похищенного следует определять исходя из разницы между стоимостью изъятой вещи и ценой возмещения. Данный подход имеет и практическое подтверждение. Так, Д., представившись сотрудником газовой службы, путем уговоров убедил потерпевшую Ж. в необходимости установки датчика утечки газа и продал его по завышенной цене. Реальная стоимость датчика составила 681 руб., но Д. продал его за 6990 руб. Размер хищения составил 6309 руб. – разность между стоимостью похищенного имущества и «встречным предоставлением»; действия виновного квалифицированы по ч. 2 ст. 159 УК РФ⁹. Отметим, что если бы стоимость датчика была выше, или предлагаемая цена ниже, подход к определению размера хищения повлиял бы на квалификацию.

В качестве другого примера приведем приговор Ленинского районного суда¹⁰. Из материалов дела следует, что М., являясь победителем аукциона, заключил контракт на поставку спортивного инвентаря со средней школой на общую сумму 16 205 712,10 руб. В ходе исполнения контракта М. приобрел спортивный инвентарь, в частности лыжи и лыжные палки иного производителя с более низкими качественными характеристиками и ценой, а часть товара не поставил вовсе. После подписания акта приема-передачи товаров и перечисления денежных средств обман был выявлен. Суд определил ущерб в 617 216 руб., указав, что размер хищения необходимо исчислять как разность между общей стоимо-

⁷ Приговор Ленинского районного суда от 12 августа 2019 г. по делу № 1-546/2019 // СПС «Гарант».

⁸ Решение Ленинского районного суда от 27 ноября 2020 г. по делу № 2-886/2020 // СудАкт: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/twEL3CabYAbY> (дата обращения: 27.03.2025).

⁹ Приговор Городецкого городского суда от 4 декабря 2019 г. по делу № 1-259/2019 // СудАкт: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JNaLaH2HfGoQ> (дата обращения: 27.03.2025).

¹⁰ Приговор Ленинского районного суда от 30 июля 2021 г. по делу № 1-335/2021 // URL: СудАкт: сайт. <https://sudact.ru/regular/doc/Z16YLos1CvrK> (дата обращения: 27.03.2025).

стью непоставленного имущества и общей стоимостью фактически поставленного. Действия виновного квалифицированы по ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Немаловажно, что возмещение должно осуществляться не после совершения преступления, а именно в процессе изъятия, иначе его размер повлияет не на определение количественного параметра признака состава хищения, а на размер назначаемого наказания.

Изучение судебных решений показало, что на практике случаи встречного предоставления при хищении – редкое явление; ещё реже встречаются дела, в которых обвиняемый возмещает похищенное в большем размере. Так, суд не усмотрел состава хищения в действиях С., тайно изъявшего у потерпевшей Т. из сумки сотовый телефон и оставившего ей взамен свой. Однако такой вывод суд сделал не потому, что имело место встречное предоставление, а исходя из мотивов С. – найти повод для знакомства¹¹.

Следует согласиться с А. И. Бойцовым, который указывает, что при завладении имуществом путем замены его на вещь, заведомо не представляющую ценности, но необходимую для предъявления к списанию, сумма хищения должна определяться полной стоимостью присвоенного имущества, если такая замена выступает лишь формой прикрытия хищения [6, с. 253].

В науке обоснованно высказываются предложения об исключении признака безвозмездности при хищении. Например, С. В. Скларов, обосновывая этот тезис, отмечает, что закон охраняет не абстрактную собственность, а право собственности конкретного лица на конкретную вещь [7, с. 66]. На наш взгляд, признаку безвозмездности на практике заслуженно отводится незначительная роль, так как при доказывании хищения требуется наличие корыстной цели и факта причинения ущерба потерпевшему, при установлении которых признак безвозмездности презюмируется, а в случае отсутствия первых двух элементов безвозмездность вообще не исследуется. Кроме того, понимание указанного рудиментарного признака в доктрине, особенно его буквальное толкование некоторыми авторами приводит к искажению сути уголовного закона.

Анализ судебной практики показывает, что осужденные и их защитники нередко оспаривают судебные решения, указывая на отсутствие признака «безвозмездность» и на наличие признаков самоуправства. Суды же обращают внимание на субъективную сторону – наличие или отсутствие корыстной цели. Так, по одному из дел суд кассационной инстанции отказал в удовлетворении жалобы и указал, что о наличии у П. умысла на хищение денежных средств свидетельствовало использование ею фиктивных документов об оказании услуг, которые заведомо возглавляемой ею организацией не оказывались, поэтому налицо признаки мошенничества¹². По другому делу осужденный просил переквалифицировать его действия с ч. 2 ст. 159 УК РФ на ч. 1 ст. 330 УК РФ, хотя лицо

¹¹ Кассационное определение Московского городского суда от 20 августа 2012 г. по делу № 22-1195/2012 // СПС «Консультант Плюс».

¹² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 мая 2021 г. по делу № 77-1722/2021 // СПС «Консультант Плюс».

ни действительного, ни предполагаемого права на похищаемые денежные средства не имело¹³.

В другом случае Шестой кассационный суд отменил приговор и апелляционное определение в части оправдания по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ и осуждения по ч. 1 ст. 330 УК РФ, поскольку лицо совершило хищение денежных средств у другого в сумме 400 000 руб. путем обмана, а именно изготовило расписку о получении якобы в долг денежных средств на покупку автомобиля¹⁴.

Иногда суды дают неверную уголовно-правовую оценку действиям, вменяя ст. 330 УК РФ вместо ст. 159 УК РФ. Так, решение нижестоящего суда отменено на том основании, что осужденный – участник программы переселения – после принятия жилого дома на новом месте обязан был в двухмесячный срок сдать прежние дом и земельное владение по акту передачи, но вместо этого оформил право собственности и самовольно продал их третьему лицу, то есть совершил не самоуправство, а мошенничество¹⁵. Аналогичный исход – по делу о причинении имущественного ущерба с заключением фиктивного договора купли-продажи под предлогом предоставляемого займа при создании условий невозможности исполнения обязательств по возврату суммы займа и процентов с целью неисполнения обязательств по возврату прав собственности на недвижимое имущество¹⁶. Ни суд первой, ни суд апелляционной инстанций не дали оценки тому, что осужденные изначально создали условия, которые не позволяли исполнить обязательства по возврату денежных средств.

Четвертый кассационный суд общей юрисдикции передал уголовное дело на новое рассмотрение, указав, что суды первой и апелляционной инстанций, не соглашаясь со следствием, переqualificировали два хищения на самоуправство неверно¹⁷. По данному делу лицо, будучи уведомленным об отказе в приеме на работу в организацию, решило похитить ее имущество, представившись учредителем, дало указание охранникам вывезти технику и оборудование на металлоприемку, где оно получило деньги, затем аналогично вывезло генераторную установку. Суд первой инстанции, обосновав состав самоуправства, в приговоре привел лишь диспозицию ч. 1 ст. 330 УК РФ и указал, что подсудимый состоял в фактических трудовых отношениях, а обвинение в мошенничестве носит предположительный характер. При этом суд не аргументировал, какими действительными или предполагаемыми правами обладал осужденный при совершении своих действий в отношении имущества.

¹³ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16 июня 2021 г. по делу № 77-1716/2021 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁴ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 4 марта 2020 г. по делу № 77-193/2020 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁵ Постановление Президиума Верховного Суда Республики Дагестан от 21 августа 2019 г. по делу № 44У-104/2019 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁶ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14 мая 2024 г. по делу № 77-1070/2024 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁷ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10 ноября 2021 г. по делу № 77-4423/2021 // СПС «Консультант Плюс».

На практике встречаются и обратные случаи, когда вышестоящие суды не соглашались с квалификацией по ст. 159 УК РФ, усматривая признаки самоуправства¹⁸. Так, Ч. получил денежные средства на приобретение сантехники для потерпевшего, но свои обязательства не выполнил, поскольку полученные денежные средства он израсходовал на оплату приобретенного мрамора, выплаты заработной платы рабочим и погашение иных долгов перед потерпевшим, рассчитывая в дальнейшем выполнить свои обязательства перед потерпевшим. Задолго до заключения договора он приступил к выполнению работ по архитектурному проектированию, строительству и обустройству принадлежащего потерпевшему дома и прилегающего к нему участка, в процессе выполнения этих работ между Ч. и потерпевшим сложились финансовые взаимоотношения. Судебная коллегия нашла ошибочным вывод суда о наличии у осужденного цели безвозмездного изъятия денежных средств и обращения их в свою пользу, что является неотъемлемой частью субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, но вместе с тем, так как распоряжение Ч. денежными средствами потерпевшего было связано с уверенностью Ч. в наличии у него права компенсировать задолженность, то с учетом направленности умысла в его действиях усматривается состав самоуправства.

В другом деле суд указал, что не было представлено доказательств безвозмездности изъятия лицом денежных средств, выделенных на заработную плату, поскольку другие лица, хотя и не были официально оформлены на работу в должности художественного руководителя, но выполняли ее в полном объеме, получая за это заработную плату, а соответственно лицо не присваивало себе указанные денежные средства¹⁹.

Еще в одном случае суд отменил апелляционное определение и направил дело на новое рассмотрение, установив, что лицо на устно-договорных условиях выполняло работы по написанию научных трудов (статей, монографий, докторской диссертации и др.) за денежное вознаграждение и впоследствии передало результаты своей деятельности, а значит отсутствовало безвозмездное изъятие денежных средств, поскольку передача денег за реальное выполнение работ в рамках обоюдной договоренности исключает возможность расценивать ее как совершенную под влиянием обмана, что относится к непосредственному предмету доказывания при обвинении лица в мошенничестве²⁰.

Таким образом, в практике, как и в доктрине, признак «безвозмездность» понимается неединообразно, что влечет за собой различие в подходах к определению стоимости похищенного имущества, а также ошибки в отграничении мошенничества от самоуправства. Представляется, что исключение данного признака положит конец доктринальным спорам о его сущности и не окажет негативного

¹⁸ Апелляционное определение Московского городского суда от 19 сентября 2017 г. по делу № 10-12495// СПС «Консультант Плюс».

¹⁹ Постановление Президиума Ленинградского областного суда от 23 апреля 2019 г. по делу № 44у-21/2019 // СПС «Консультант Плюс».

²⁰ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25 декабря 2019 г. по делу № 77-42/2019 // СПС «Консультант Плюс».

влияния на качество уголовного закона. Размер похищенного имущества следует определять исходя из разницы между стоимостью изъятой вещи и ценой возмещения, что в полной мере отвечает принципу справедливости.

Ссылки

1. Фойницкий И. Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Посягательства личность и имущество. Санкт-Петербург, 1893. 440 с.
2. Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право: монография. М.: Проспект, 2021. 983 с. ISBN: 978-5-392-33128-4 EDN: BYVHTW
3. Курс советского уголовного права. Часть Особенная: в 6-ти т. Т. 5. Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления / отв. ред. А.А. Пионтковский. М.: Наука, 1971. 571 с.
4. Безверхов А. Г. Безвозмездность как признак экономического преступления // Уголовное право. 2016. № 5. С. 18-27. EDN: XGTAPL
5. Смирнова С. Н. Безвозмездность как криминообразующий признак преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 160 с. EDN: QWIYXF
6. Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб., 2002. 773 с. ISBN: 5-94201-062-5 EDN: UBTAMH
7. Складов С. В. Понятие хищения в уголовном законодательстве России: теоретический анализ // Государство и право. 1997. № 9. С. 64-68.